

Литература

Алексеев П. Т. «Статир»: описание анонимной рукописи XVII века / П. Т. Алексеев // Археографический ежегодник за 1964 год. – Москва, 1965. – С. 92–101.

Библейская энциклопедия [Электронный ресурс]. URL: <https://azbyka.ru/otechnik/Nikifor/biblejskaja-entsiklopedija/713> (дата обращения: 01.03.2019).

Введенский А. А. Дом Строгановых в XVI–XVII веках / А. А. Введенский. – М., 1962.

Елеонская А. С. Русская ораторская проза в литературном процессе XVII века / А. С. Елеонская. – М., 1990.

Живов В. М. Разыскания в области истории и предыстории русской культуры / В. М. Живов. – М., 2002.

Карташев А. В. Очерки по истории русской церкви: в 2 т. Т. 2. / А. В. Карташев. – М., 1997.

Сгибнева Н. Ф. «Яко не просто нищета спасает и богатство погубляет...»: о богатстве и нищете в сборнике проповедей конца XVII в. Статир / Н. Ф. Сгибнева // Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки. – 2011. – №2 (90). – С. 223–237.

Соболева Л. С. Авторский код рукописного сборника «Статир» (Орел-городок, 1683–1684 годы) / Л. С. Соболева // Вестник НГУ. Серия: История, филология. – 2011. – Т.10, Вып. 8: Филология. – С.175–186.

Mokronosova A. E. «Homily to newly married couples» from the manuscript «Statir» (the late 17th)

This article is devoted to the analysis of «Homily to newly married couples» from the manuscript «Statir». The main task is to find out how the author understands the relationship between man and woman, and also to reveal new intentions of understanding the role of woman in the social and cultural context.

Keywords: «Statir», marriage, bridegroom, bride, spouse behavior

А. В. Нестерова,
Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия,
научный руководитель Л.С. Соболева

«Слово о красоте весны» в рукописном сборнике XVII века: интертекстуальность и авторская интенция¹¹

Аннотация: В статье анализируется логика включения автором интертекстуальных элементов (в частности цитат) в пространство своего сочинения на примере «Слова 21. О красоте весны» из рукописного сборника XVII в. «Статир». Выявляется степень творческой переработки текста источников и роль цитат в создании метафорической образности авторской речи.

Ключевые слова: «Статир»; письменность XVII в.; гомилетика; интертекстуальность; цитата; метафора.

«Статир» – сборник авторских проповедей, созданный в центре Строгановских владений (Орел-городок) в конце XVII века. Среди многообразия памятников церковного красноречия древнерусской письменности данный сборник представляет собой уникальное

¹¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00186 ««Культура Духа» vs «Культура Разума»: Интеллектуалы и Власть в Британии и России в эпоху Перемен (XVII–XVIII вв.)»).

сочинение, по художественной выразительности сопоставимое с трудами авторов своей эпохи. Отсутствие в самой рукописи указаний на авторство, даже при наличии некоторых косвенных данных, не позволяет с научной достоверностью назвать его имя [Соболева, 2011]. Предыдущие этапы исследования позволяют утверждать, что его фигура является собой исключительный случай сочетания самобытности художественного мира и авторского взгляда, творческого переосмысления библейских сюжетов и опоры на существовавшую традицию гомилетики. Это обуславливает интерес к личности автора и актуальность изучения памятника¹².

Цель данного этапа исследования – выявить интертекстуальные связи в тексте на «Четверток Вознесения» (ОР РГБ. Собр. Румянцева № 411, лл. 79 об. – 82 об.)¹³, озаглавленном как «Слово 21. О красоте весны». В связи с обширностью рукописи, в качестве материала для изучения был избран текст, отличающийся особенно плотной цитацией. Интертекстуальность сочинения в связи со спецификой памятника будет рассматриваться как включение в авторский текст фрагментов чужих текстов в виде цитат, аллюзий и реминисценций. В указанном «Слове» преобладают именно цитаты – как прямые, так и скрытые, полностью соответствующие оригиналу или переработанные.

«Слово о красоте весны» принадлежит первому циклу сборника и является второй, завершающей частью поучения на праздник Вознесения, следующий через сорок дней после Пасхи (четверг 6 недели после Пасхи)¹⁴. По народным поверьям считалось, что с Вознесения (Вознесеньева дня) начинается расцвет весны и переход к лету, с этого дня провожали весну [Пропп 1995: 123]. Символический смысл самого праздника состоит в эксплицированном явлении одной из ключевых с точки зрения теологического сознания тайн мироздания – возможности взаимопроникновения плоти и духа, в обожествлении плоти вознесением ее обладателя, Иисуса Христа, в Небесный чертог, через которое происходит обожествление всей тварной материи. И если Воскресение делает такое качественное преобразование возможным, «смертью попирается смерть», то Вознесением оно осуществляется явно, и данный праздник несет в себе исключительно положительную, светлую тональность, которую стремится выразить проповедник в восхвалении преобразенной природы. В связи с этим в проповеди появляется довольно редкое именование Христа как Бога-Плотноносца. Именно божественное присутствие в окружающем мире, мире весны, обнаруживающее его истинную сущность, побуждает наблюдателя, непосредственно причастного происходящему, раскрыть эту новую сторону материи и приобщить слушателей к радости, переполняющей его.

Начинается «Слово» с обращения к пастве, причем обращения нестандартного, включающего слушателя в сакральное пространство праздника уже с первой реплики: *«Мы же, о возлюбленная чада Сиона пресветлаго и граждане Иерусалима Небеснаго, възведемъ за Христомъ на гору Елеонскую, на гору святую боговиднаго богомышления, възвысимъ умъ нашъ отдолу мятежнаго помышления, и узримъ вся преславная, от Христа Бога дарованная. Вся тварь веселится и радуется о преславномъ възшествии Творца своего, яко благодатию Его вся наполняема, и устраяема и украсаема»* (л. 79 об.).

В данном фрагменте возникают три топоса, значимых для богословского дискурса и символически нагруженных – гора Сион, Небесный Иерусалим и Елеонская гора. Сион – это гора, возвышенность в юго-западной части Иерусалима, которая, в зависимости от контекста, может обозначать ветхозаветный храм в Иерусалиме, сам Иерусалим и земли

¹² ОР РГБ. Собр. Румянцева № 411. Сборник слов и поучений «Статир». 1683–1684 гг. 4° (300×250), 815 л. п/у одного почерка. Рукопись содержит 156 «Слов» – тематических поучений, приуроченных, как правило, к праздникам церковного года (пасхального цикла, двенадцатым праздникам, памяти ряда святых и моральные наставления «на случай»). Авторскую позицию передает двухчастное Предисловие, молитвы об окончании работы и заключительные вирши.

¹³ Далее текст рукописи цитируется по данному источнику с указанием номера листа в скобках.

¹⁴ Праздник Вознесения знаменует собой восшествие Иисуса Христа во плоти на небо (Мк. 16:19-20; Лк. 24:50-53). Его человеческая природа становится невидимой для обычного взгляда.

Иудеи (Ис. 40:9; Иер. 31:12; Зах. 9:13), израильский народ (Ис. 60:14) или же, в новозаветной парадигме – духовное царство Бога, Небесный Иерусалим. Выражение «Небесный Иерусалим» впервые появляется в Библии в послании апостола Павла к евреям (Евр. 12:22) как обозначение будущего Царства Божьего. Наконец, Елеонская гора – возвышенность у восточной стены Иерусалима, на которой происходит Вознесение Иисуса Христа в присутствии учеников.

Образуя три точки, данные координаты задают вектор движения от Сиона, как наиболее приближенного к земле локуса, через Елеонскую гору к Небесному Иерусалиму, где Елеонская гора выступает связующим центром, переходом от Ветхого Завета к Новому, символом пресуществления тварной материи в божественную, преображения земного града – в Небесный. Слушатели проповеди именуются одновременно и «чадами Сиона», т. е. продолжателями, преемниками ветхозаветной традиции, и «гражданами Иерусалима Небесного», уже как бы причастными в измерении вечности новой жизни.

Но кроме связующего звена Елеонская гора в авторском «Слове» являет собой и аллегорический образ: гора Елеон – *богovidное богомышление*, т. е. тот просвещенный божественным светом человеческий разум, та точка, с высоты которой окружающий мир предстает в своей величии, раскрывает истинную природу, смысл которой философичен, единственная позиция, с которой открывается нужный ракурс и становится возможным прославление божественного величия – что автор и осуществляет в последующих пассажах проповеди.

Отправной точкой для создания такой объемной метафоры послужила, скорее всего, формула, использованная Кириллом Туровским в «Слове на Вознесение» (XII в.), однако раскрытая совершенно иначе и в другом контексте: *«Соидем же и мы ныне, братие, на гору Елеонскую умом и узрим мысленно вся преславная, сотворившаяся на ней! На ту бо гору сам Христос Бог наш днесь пришел есть, и всех святых чинов таме собрашася»* [Еремин 1958: 341]. Идея мысленного восхождения на Елеонскую гору явна была заимствована из слова Туровского, на него автор ссылается неоднократно. В «Слове на Антипасху» (следующее за Пасхой воскресеньем) Кирилла встречается образ «мысленного восхождения»: *«Взыдем ныне и мы, братье, мысленно в Сионскую горницу, яко таме апостоли собрашася и сам Господь Иисус Христос...»* [Еремин, 1957: с. 417] (Сионской горницей традиционно именуется помещение, где происходила тайная Вечеря и где впоследствии, после Воскресения, собирались апостолы). Образ Сиона и Елеонской горы совместились в сознании автора и переросли в более объемную, многоплановую метафору. Это во многом характеризует творческую манеру писателя: из всех проповедей, посвященных Вознесению и Неделе на Антипасху, он выделяет наиболее концептуальные, наполненные смыслом фрагменты, которые затем в перспективе проповеди разворачиваются в объемные картины. И если Кирилл Туровский призывает *мысленно* взойти на Елеонскую гору, увидеть произошедшее на ней событие (Вознесение), то автор «Слова о красоте весны» поднимается на новый уровень абстракции и предлагает слушателям взойти на Елеонскую гору *богомысленного богомышления*.

За данным пассажем следует само воспевание природы, предваряемое авторским замечанием. «Слова о красоте весны» пронизано цитатами, соткано из них. «Чужой текст» не выделяется автором специально: он сливаются с оригинальным и трансформируется, однако рядом с позаимствованными фрагментами на полях автор указывает ссылку на источник – часто это просто имя («Златоуст», «Кирилл монах», «Кирилл Ставровецкий» и т. п.), но иногда присутствует и название труда (например, Григорий Богослов «В Новую Неделю»). Такие ссылки служат скорее точками опоры на авторитеты, которые придают авторскому тексту вес и позволяют развивать собственные мысли.

Один из наиболее выразительных фрагментов раскрывает символическое значение происходящего в природе, интерпретирует природные процессы и явления аллегорически. Такая «расшифровка» явлений природного мира создается на основе «Слова на Антипасху» Кирилла Туровского. Подобная интерпретация была обнаружена из изученных нами текстов

лишь у Кирилла Туровского, Иоанн Златоуст и Григорий Богослов ограничивались описательными пассажами явлений весны. Примечателен тот факт, что автора не удовлетворяет живописание внешней стороны преображенной природы, он стремится проникнуть вглубь явлений и из всей массы текстов избирает соответствующие его установке цитаты. Так, проповедь условно делится на две части – первая, описательная содержит цитаты из Григория Богослова и в меньшей степени – из Иоанна Златоуста, вторая же, интерпретационная часть, представляет собой свободную переработку образов из текста Кирилла Туровского. Пассажи построены по принципу структурного параллелизма, и каждое явление, описанное в первой части «Слова», эхом откликается во второй, «поясняющей» части.

Приведем начальный фрагмент каждой из двух частей. Первая часть открывается текстом Григория Богослова и заканчивается авторскими словами: «*Ныне бо красная весна возсияла есть, югу часто веющую, землю тонко охлаждающую. Солнце яркою теплотою сяюще, дождеве благопогодливы рососходительны проливаются, и земная недра мягкостию устрояваются*» [л. 80]. Во второй части эти явления интерпретируются (фрагмент начинается словами Кирилла Туровского, а продолжается авторскими): «*Весна убо красная – вера Христова, яже крещением порождает человеческое естество въ сыновство Божие, югъ же хладостный веющъ – покаяниемъ грехи оставляются, и искореневаются, и добродетель плодоносится. Дождеве проливаются – апостольския сердца Духа Святаго наполняются, и во всю вселенную слово учения распростирается*» [л. 80 об.]. Продолжаются обе части созданием многочисленных образов и их аллегорическим осмыслением.

Можно сказать, что при составлении собственного «Слова» автор опирается на целый ряд проповедей, написанных как на праздник Вознесения, так и на Антипасху. Он не повторяет логику ни одного источника, но заимствует наиболее выразительные с его точки зрения и наполненные смыслом фрагменты, преобразуя их, выстраивая в собственной последовательности и создавая совершенно новое единство, имеющее структуру, соответствующую авторскому замыслу.

Литература

Аверинцев С. С. Поэтика ранневизантийской литературы. М. : CODA, 1997. 343 с.

Еремин И. П. Литературное наследие Кирилла Туровского // Труды Отдела древнерусской литературы. М. ; Л.: АН СССР, 1957 . Т. XIII. С. 409– 426.

Еремин И. П. Литературное наследие Кирилла Туровского // Труды Отдела древнерусской литературы. М. ; Л.: АН СССР, 1958 . Т. XV. С. 331– 348.

Иоанн Златоуст. Полное собрание сочинений в 12 т. в рус. Перевод. Т. 8. Свято-Успенская Почаевская Лавра, 2005. 1080 с.

Пропп В. Я. Русские аграрные праздники. М. : Терра : Азбука, 1995. 176 с.

Сборник слов и поучений «Статир». 1683–1684 гг. // РГБ. Собр. Румянцева № 411. 815 л. 4° (30 х 25), п/у одного почерка, авторская нумерация листов: 1–17 (I счета), 1–517 (II счета), 1–279 (III счета). Сбой нумерации: пропущены лл. 474 (II сч.), 187 (III сч.); нумерованы дважды лл. 439, 443 (II сч.), 189 (III сч.). Утрачены лл. 250, 251 (III сч.).

Соболева Л. С. Авторский код рукописного сборника «Статир» (Орел-городок, 1683–1684 годы) // Вестник Новосиб. гос. ун-та / Серия: История, филология. 2011. Т. 10, вып. 8 : Филология. с. 175–186.

Яхонтов И. К. Русский проповедник семнадцатого века и несколько статей из его сочинения «Статир». СПб, 1883. Переиздано с готовых диапозитивов: М., 1997. С. 3–15.

Nesterova A. V. “The Word about the Beauty of Spring” in 17th century manuscript: intertextuality and the author's intention.

The article investigates the author's inclusion of intertextual elements, in particular quotations, into the space of sermon “The Word 21. About the beauty of spring” in the 17th century

manuscript collection "Statir". Also the article analyses creative remaking of original texts and the role of quotation in the speech metaphorization.

Keywords: "Statir", 17th century writing, homiletics, intertextuality, quotation, metaphor.

Е.Е. Мамыкина,
Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия,
научный руководитель Соболева Л. С.

Царская власть в «Казанской истории»: слово, образ, мнение, оценка автора

Аннотация: Древнерусский памятник XVI в. «Казанская история», посвящен завоеванию Казани. Талантливый писатель повествует о событиях войны. Сам автор оказывается в сложной ситуации – между двумя противоборствующими властями, разными по генезису, культуре, вероисповеданию, но соединенными в его сознании: будучи русским, взятым в плен, он был связан с татарской элитой в течение 20 лет. Причем, на момент создания текста Казань уже входит в состав Московского царства, что вынуждает автора средствами поэтики, выявить положительные моменты татарской власти, связанные с освоением новых территорий казанцами, показать человеческие качества казанских правителей, храбрость и силу татар, найти точки соприкосновения в описании русского и татарского миров, начинающих составлять единое государство. И власть единого царя на всей территории – Ивана IV – оказывается благодатна и желанна, ибо не противоречит самовластью ханов, а продолжает играть столь же организующую роль, но уже по божьему благословению.

Ключевые слова: Казанская история, татары, Казань, Иван Грозный, царская власть.

Казанская история – литературный памятник, написанный в XVI в. неизвестным автором, посвященный взятию Казани в 1552 г. Иваном Грозным. Данное произведение пользовалось большой популярностью, так как до нашего времени дошло более 270 списков, впервые опубликована в 1791 г. Казанская история создана в 60-х годах XVI в., во время обострения отношений Ивана IV с боярами. Изучение Казанской истории осложнено большим количеством списков памятника, сильно различающихся между собой. Г.З. Кунцевич делит известные на тот момент 152 памятника на 9 редакций и устанавливает три этапа в литературной истории: первый этап – до 1573 года (I и II редакции), второй – после 1592 (III – VIII), третий – начало XVII в. (IX). Г.Н.Моисеева, открывшая еще 79 списков, делит их на две редакции: древнейшая (I и II по Кунцевичу) и позднейшую, созданную после 1592 года (III – VIII по Кунцевичу) [Словарь книжников и книжности Древней Руси]. Это говорит о том, что все редакции, включая самую раннюю, были созданы уже после того, как Казань стала частью Российского государства, но интерес к данному тексту не угасал достаточно долго – до середины XVII в. Современных исследователей привлекала как подробно описанная в Казанской истории политическая ситуация, обострение конфликта между Иваном Грозным и боярами, так и героические темы (А. С. Орлов), рассматривалось своеобразие жанра (В. К. Соколова), размышления об источниках Казанской истории (Н. А. Наганов), об авторе (Г. Н. Моисеева), о лексике и языке (А. К. Абдульманова). Также существует большое количество других источников летописного характера: Степенная книга, Летописец начала царства царя и великого князя Ивана Васильевича всея Руси и другие, по которым восстанавливается история взятия Казани и тем самым ярко высвечивается художественная специфика изложения в истории – своего рода письменном «романном» эпосе 16 в.

На данном этапе работы можно выделить проблему писателя и власти: то, как автор воспринимает власть – татарскую и русскую а также сложное положение автора между этими двумя властями. Казанская История – один из первых текстов, где ярко проявляется фе-